

ПРОФЕССИЯ - ПУТЕШЕСТВЕННИК

**ЮРИЙ
СЕНКЕВИЧ**

**С ХЕЙЕРДАЛОМ
ЧЕРЕЗ
АТЛАНТИКУ**

**О СИЛЕ ДУХА
В ДИКИХ УСЛОВИЯХ**

Юрий Александрович Сенкевич

С Хейердалом через Атлантику.

О силе духа в диких условиях

Серия «Профессия: путешественник»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23995373

С Хейердалом через Атлантику. О силе духа в диких условиях:

Алгоритм; М.; 2017

ISBN 978-5-906914-89-7

Аннотация

Слабый становится сильным, робкий – отважным, обидчивый – великодушным, если ими движет единая достойная цель.

(Юрий Сенкевич)

Могли ли египтяне на своих папирусных кораблях добраться до Нового Света? Этим вопросом в далеком 1969 году задался легендарный ученый Тур Хейердал и отправился в беспрецедентную научную экспедицию на копиях древних судов. На должность врача ученый пригласил молодого военного медика Юрия Сенкевича.

День за днем будущий создатель «Клуба путешественников» вел записи, подробно рассказывая обо всех трудностях, которые им приходилось преодолевать.

«Словно по заказу тех же психологов, обстоятельства позаботились о том, чтобы эксперимент с каждым часом усложнялся дополнительными обстоятельствами...», – вспоминал Юрий Сенкевич. Голод, нечеловеческие условия, ежеминутный риск для жизни, – все это спланивало и ожесточало одновременно. К концу экспедиции все мечтали лишь о возвращении домой, но на следующий год Юрий Сенкевич записал в своем дневнике:

«...Сегодня, спустя год, мы опять в океане. И опять в контракте, подписанном каждым из нас, сказано: "...рисковую и сознаю, что иду на риск"»...

Содержание

Вместо предисловия	6
На «Ра» через Атлантику	10
Глава первая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	45

**Юрий Александрович
Сенкевич
С Хейердалом через
Атлантику. О силе
духа в диких условиях**

© Ю. Сенкевич, 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Вместо предисловия

– Почему бы вам не взять с собой в следующую экспедицию русского?

С таким вопросом обратился ко мне президент Академии наук СССР М.В. Келдыш, когда я приехал в Советский Союз по приглашению одного из академических институтов после моей археологической экспедиции на остров Пасхи в Тихом океане.

Я не забыл этого предложения, и через несколько лет академик Келдыш получил письмо, которое его, должно быть, немало удивило. Я готовил плавание через Атлантический океан из Африки в Америку на папирусной лодке, и мне хотелось взять с собой экспедиционным врачом русского. Условия: он должен владеть иностранным языком и обладать чувством юмора!

О медицинской квалификации я ничего не писал, так как и без того не сомневался, что Академия наук подберет первоклассного специалиста. Не говорил я и о том, что нужен человек крепкий, здоровый и смелый, – все эти качества тоже сами собой подразумевались. Вот почему я ограничился просьбой подобрать человека, обладающего чувством юмора и говорящего на иностранном языке. Не все отдают себе отчет в том, что добрая шутка и смех – лучшее лекарство для души, лучший предохранительный клапан для людей, кото-

рым предстоит неделями вариться в одном котле, работая в трудных, подчас даже опасных условиях.

Президент Келдыш передал мое письмо в Министерство здравоохранения, там выбрали молодого исследователя, медика Юрия Александровича Сенкевича, и он тотчас согласился.

А через несколько недель мы с Юрием впервые встретились на аэродроме в Каире, незадолго до того, как папирусную лодку «Ра» увезли с площадки у пирамид туда, где должно было начаться экспериментальное плавание через океан. Мы никогда раньше не видели друг друга. Нам предстояло вместе плыть на нескольких связках папируса, вместе жить на них день и ночь, неделями, быть может, месяцами. Трудно сказать, кто больше волновался перед первой встречей — Юрий или я. После Юрий рассказал мне, что он выпил стопочку в самолете, чтобы быть поостроумнее!

Мы с первой минуты стали друзьями. Академия наук и Министерство здравоохранения правильно поняли, какой экспедиционный врач нужен нам на нашей маленькой папирусной лодке. Выбор пал на одаренного молодого ученого, сильного и здорового, как русский медведь, смелого и верного, веселого и дружелюбного.

Двадцать пятого мая 1969 года семь человек из семи стран ступили на борт папирусной лодки в порту Сафи, в Марокко. Русский врач, американский Штурман, египетский аквалангист, мексиканский антрополог, плотник из Республики

Чад в Центральной Африке, итальянский альпинист и я сам, норвежец, руководитель эксперимента. Когда мы спустя два месяца уже в американских водах покинули пропитанные водой связки папируса, то чувствовали себя не просто друзьями, а почти братьями. У нас позади были общие радости и невзгоды, общая работа на нашем кораблике, где жизнь и благо каждого зависели от товарищей.

Чтобы не рисковать понапрасну жизнью людей в научном эксперименте, я как руководитель прервал плавание незадолго перед тем, как мы достигли Вест-Индских островов. Мы убедились, что папирус – вполне пригодный материал для строительства лодок, при условии что лодку строят и управляют ею люди, знающие в этом толк. Следовательно, представители древних культур Средиземноморья вполне могли пересечь океан и доставить ростки цивилизации в далекие края. И мы доказали, что люди из разных стран могут сотрудничать для общего блага, даже в предельной тесноте и в самых тяжелых условиях, невзирая на цвет кожи и политические и религиозные убеждения. Достаточно уразуметь, что можно большего достичь, помогая друг другу, чем сталкивая друг друга за борт.

О прочности нашей дружбы лучше всего говорит то, что вся семерка собралась вновь в порту Сафи через десять месяцев, с тем чтобы спустить на воду папирусную лодку «Ра-2» и сделать новую попытку пересечь Атлантику на более совершенном суденышке, вооруженными практическим

опытом первого плавания.

В последнюю минуту семейные обстоятельства вынудили нашего друга из Чада остаться, но его место занял другой африканец, бербер из Марокко. Кроме того, к нам присоединился японский кинооператор. И восемь человек с востока и запада, с севера и юга пересекли Атлантический океан и благополучно сошли на берег Америки. Юрий Александрович Сенкевич участвовал в обоих плаваниях, и в этой книге он рассказывает о наших приключениях так, как он их воспринимал.

Тур Хейердал, Колла Микери, 17 апреля 1971 года

На «Ра» через Атлантику

То, что объединяет человечество, является естественным и должно поощряться, и, наоборот, то, что разъединяет людей, является искусственным и должно быть преодолено.

Тур Хейердал

В обоих плаваниях «Ра» я вел подробные дневники; после возвращения мне пришлось часто выступать с лекциями, некоторые из них записывались на пленку, так что накопилась изрядная фонотека. Выдержки из медицинских отчетов и иных документов тоже, казалось, могли пригодиться. Собственно, книга уже была, в набросках, в разрозненных строчках и перебеленных страницах, – книга была – и все же ее не было, потому что как сгруппировать, распределить и связать весь этот материал, я не знал.

Тем временем моими дневниками заинтересовался пионерский журнал «Костер». Я стал бывать в его редакции – и познакомился там с милым и обаятельным Феликсом Нафтулевым. Мы очень быстро подружились, благо оба любили морские путешествия и детей. Вскоре я уговорил его заняться вместе этой книгой.

Работали мы долго и трудно, и что из этого вышло, судить не нам. Однако в любом случае я должен поблагодарить журналиста Ф. Нафтулева за большую помощь, ко-

тую он мне оказал.

Мне хочется также выразить чувство искренней благодарности и признательности всем тем, кто прямо или косвенно участвовал в подготовке этих двух экспедиций.

Глава первая

Как кончалось прошлогоднее плавание. – На борту «Шенандоа». – Что нам делать с корабликом? – «Там полно акул!» – Печальное расставание. – Тур трижды говорит «да». – И все-таки... – Приватный обед в Каире. – Храним тайну. – Опять Сафи. – Хвала Ивон. – Тур хватается за голову. – «А плавать ты умеешь?» – Нас провожают. – Сорвало парус! – Операция «Грот». – Как трудно его поднимать. – Шторм. – Зачем, зачем?..

Мы забрались на крышу хижины, Жорж – ближе к носу, я – к корме, и обозревали горизонт. Норман крутил шарманку рации. Карло роздал колбасу и сгущенное молоко – последний наш завтрак на «Ра».

Все вокруг было в диком хаосе, в хижине плескалась вода, плавали доски, медикаменты, пахло аскорбиновой кислотой, только два ящика еще чудом держались, тот, на котором спал Тур, и тот, на котором – Абдулла; газовые баллоны смыло, и в абсолютно чемоданном настроении мы ждали, когда подойдет яхта и подойдет ли.

Вдруг Норман закричал:

– Я их вижу! Куда вы смотрите, там, наверху?!

В моем кормовом секторе ничего не наблюдалось, я обернулся к Жоржу – тот клевал носом. А вдали виднелась белая точка.

Она приближалась понемногу и становилась роскошной красавицей яхтой, качало ее немилосердно, на борту стояли парни, ярко одетые, с фото- и киноаппаратами, они снимали нас, мы тут же оживились, проснулись, замахали, полезли на мачту, закричали, чтобы прежде всего прислали нам покурить. Подошла резиновая лодочка, и матрос бросил с нее блок сигарет, мы на него накиннулись, распотрошили и закурили блаженно.

Теперь хорошо бы вымыться пресной водой – едва очутившись на «Шенандоа», я шепнул об этом Туру, он кивнул: «Беги!» – и я ринулся внутрь, обнаружил ванну, чье-то мыло и бритву – а когда вернулся, пресс-конференция уже шла полным ходом, Тур отвечал на вопросы, на сотню, если не на тысячу, затем мы поели, выпили пива, ледяного, из холодильника, и чувствовали себя превосходно, а многострадальный наш кораблик мирно покачивался совсем рядом и тоже отдыхал...

Так завершилось наше первое путешествие, 16 июля 1969 года, десять месяцев назад, а сегодня будто их не было, этих месяцев. Снова снасти скрипят, рубашка просолена, сейчас выскочит Норман и крикнет: «Дерржи вправо!» – нет, ничто не кончилось, только экипаж немножко другой, да корабль не тот, хоть и называется так же.

Тогда, после встречи с «Шенандоа», сразу возникла про-

блема, куда девать «Ра». Бросать его нам не хотелось. Жорж заявил, что покидать папирусное судно вообще не собирается. Он, мол, договорился с Абдуллой, и они продрейфуют до Барбадоса, потихоньку, без вахт, будут заниматься ремонтом, а мы с яхты возьмем их под контроль и в случае чего окажем помощь.

Уговорились, что утром все обсудим как следует, и Жорж, полный энтузиазма, отправился на «Ра» засветить сигнальный фонарь. Фонаря он не зажег, поскольку керосин выгорел, а пока возился – стемнело, развелось волнение, и мы испугались, что декларации Жоржа осуществлят-ся слишком буквально: яхтенный прожектор, как на грех, не действовал, и за ночь, в кромешной тьме, «Ра» и «Шенан-доа» рисковали разойтись навсегда.

Тур Хейердал, Юрий Сенкевич и летчиккосмонавт Олег Атьков во время визита путешественника в Москву. 1984 г.
Фото Олег Великжанин.

«Люди современного большого города ослеплены уличным освещением, они лишились звездного неба. Космонавты пытаются вновь обрести его»

(Тур Хейердал)

Делать нечего. Норман сел в резиновую лодчонку, ему подсвечивали кто чем – киносوفитами, карманными фонари-

ками. Кое-как, почти уже ошупью, он подшвартовался к «Ра» и вернул энтузиаста пресному душу и свежим простыням.

А наутро мы с Жоржем – я в качестве гребца-перевозчика, он с аквалангом – поплыли выяснять, что можно на «Ра» сделать и как продлить его век.

Мы почти догребали, когда я вдруг ощутил, что кто-то шевелится подо мной, внизу. Я сказал об этом Жоржу, он сунул голову в маску под воду и сообщил:

– Там полно акул!

Я тоже посмотрел и увидел – ходят рыбины, двух-трехметровые, если не большие.

Все же Жорж решил нырнуть, хотя я твердил, чтобы он не смел этого делать. Нырнул, вынырнул, уселся на борт «Ра» и принялся рассуждать о том, что, видимо, работать не удастся, но попробовать стоит: «А ты бери ружье и карауль».

Как бы я его укараулил, не знаю, он – под водой, акулы – тоже под водой, но я взял ружье и дежурил минут пять, это были не самые спокойные в моей жизни минуты, – потом надел маску и поинтересовался, где он там, – Жорж плавал, и акулы плавали, понемногу собираясь в кружок. Жорж не стал дожидаться, пока они сговорятся окончательно, и выбрался на воздух. Я сказал ему: «Хватит, не безобразничай, поехали обратно». Однако он попросил переправить на «Ра» Тура, пусть на месте принимает решение.

Я перевез сперва Тура, затем Нормана, затем еще и Сантьяго. Они долго и азартно жестикулировали, но ни к каким утешительным выводам не пришли.

Повторяю, бросать «Ра» нам до слез не хотелось.

Снова отложили приговор до утра – может быть, тари разбредутся. Уже глубокой ночью направили в океан кинолампы, он акулами кишмя кишел, черные тени сновали во всех направлениях. Матросы учинили рыбалку, весьма впечатляющую: за борт выбрасывался канат с огромным крючком, с пластиковой бутылкой-поплавком, канат крепился к поручням и вмиг начинал ходить ходуном, его тянули в десять-двенадцать рук – суп из акульих плавников вкусен, – но судьба папирусного суденышка была решена.

Мы ободрали «Ра» как липку, сняли и перевезли на яхту все, что можно: мачту, капитанский мостик, любую мелочь, годную для музея «Кон-Тики», а что не годилось, то полетело в воду. Потом Норман и Сантьяго соорудили из двух маленьких весел подобие мачты, привязали к нему кусок брезента вместо паруса, и несчастный, надломленный наш кораблик растаял наконец в зыбком мареве, а «Шенандоа» взяла курс на Барбадос, до которого оставалось всего 900 километров.

Но перед этим нас еще долго фотографировали, на палубе, на фоне покидаемого «Ра»; снимков требовалась масса, затворы щелкали наперебой, и это злило, злил рулевой, который вновь и вновь дарил репортерам выигранный ракурс.

Мы уходили, разворачивались и опять спешили, словно дразились, туда, где крошечный брезентовый «парус» сиротливо силился сдвинуть нам вдогонку израненное, отяжелевшее тело, где корабль прощался и не просил оправданий, а пел, как и прежде, свою заунывную скрипучую песню, песню о пятидесяти трех днях борьбы и дружбы, радостей и разочарований, торжества и страха, а может быть, и о древних мореплавателях, которые были отважнее нас и шли до конца.

Что до «Шенандоа», то она приветливо распахнула для нас двери ваннх комнат и пивные утробы холодильников, но мы не могли с ней дружить. Между нами стояла тень «Ра», и от этого яхта злилась, шлепала по волнам сталью корпуса, била нас углами столов и диванов. «Ра» был другой, он был нежен, певуч, податлив, согревал нас ночью и давал тень в полуденный зной, доверчиво нес нас к победе...

Неделей раньше, восьмого июля, в день, когда волны уже заливали нас напрочь, когда под мостиком плескалось море, когда принялись выбрасывать даже деревянные кусочки и обрезки, которыми так дорожил Тур, и съестные припасы тоже, – в тот день Тур говорил:

– Предвижу, о чем нас будут спрашивать, и готов ответить. Он будто репетировал беседу с вероятным оппонентом, и глаза его блестели:

– «Ра» – океанское судно?

– Да, оно прошло в открытом океане две тысячи семьсот

милль.

– Могли ли древние идти таким маршрутом?

– Да, и успешнее: их папирусные суда были построены лучшие нашего, а потом, в отличие от нас, они ходили всегда по ветру. Это дольше, но проще и сохраняет корабль.

– Удалось ли сотрудничество семи наций на борту «Ра»?

– Да, интернациональный экипаж вполне доказал свою жизнеспособность.

Три вопроса, и на все три ответ начинается с «да». Экспедиция задачу выполнила. «Шенандоа» не в счет, как бы ни были мы ей по-человечески благодарны.

Кстати, уже с Барбадоса самолеты несколько раз летали в район, где остался «Ра», пытались найти его, но безрезультатно. Там в те дни прошел ураган, так что, возможно, кораблик был просто развеян по стебельку, – нет, вовремя мы оставили «Ра»! Мы поступили правильно, благо-разумно, не в чем нам себя упрекнуть, нас поздравляли и чествовали, и все-таки...

И все-таки сегодня, спустя год, мы опять в океане. И опять в контракте, подписанном каждым из нас, сказано: «... рискую и сознаю, что иду на риск».

А получилось так. В Египте, куда мы прибыли по официальному приглашению (это была целая череда визитов – экипаж «Ра» посетил ОАР, гостил в Советском Союзе, ездил в Норвегию, в Италию), – в Каире, после очередного торже-

ственного обеда, Тур вдруг заявил, что хотел бы отобедать еще раз.

Мы собрались в отеле, сугубо своей компанией, и Тур завел речь издалека.

Он сетовал, что фильм, снятый на «Ра», не совсем удачен, не хватает кадров с океаном и кораблем, – а как было снимать такие кадры, если на «Ра» отсутствовала надувная лодка? И еще кое-чего на нем не имелось, а то, что имелось, действовало не всегда безотказно, рулевые весла, к примеру, – только теперь вполне ясно, как их делать и из чего. Что ж, путешествие было как бы черновое, мы испытывали судно и самих себя, и, разумеется, испытания прошли прекрасно, но ведь это лишь испытания...

– А что если я буду строить второй «Ра»?

Выпалил и взглянул на нас в упор, на каждого, и мы поняли, что он уже все для себя решил, и сколько бы он, продолжая, ни подчеркивал, что разговор теоретический, что как там будет, еще неизвестно, – мы слушали и понимали: суть не в рулях и фильме. С момента, когда мы ступили на палубу «Шенандоа». – пусть до финиша оставались считанные мили, неважно, – с той минуты мы автоматически обрекли себя на новую попытку, потому что эксперимент должен быть чистым, потому что Тур не из тех, кто решает проблемы «в общем и целом».

Норман согласился, и Карло согласился, и Жорж, и Абдулла, и Сантьяго, и я, и сразу условились, что беседа наша

до поры секретная, подняли рюмки и забыли о ней, жили как прежде, – но семена были брошены. Мы снова становились матросами «Ра».

«...Однажды зимой, в солнечный день, между двумя взрывами смеха Сантьяго мне сказал: “Что ты скажешь, если узнаешь, что есть «Ра-2»”? Я не сразу смогла ответить, а когда ответила, то примерно так: “Я скажу, что «Ра-2» возможен в **твоей** жизни, но не в моей”. Вечером я спросила: “Ты действительно опять уедешь?” – “Да”. – “А другие?” – “Да, все решились”. – “Тогда сделайте судно понадежнее, я не могу каждый год помирать от страха”».

Это из записок жены Сантьяго, Андре. Кстати сказать, именно Сантьяго и пришлось «делать судно понадежнее», он разыскал и нанял индейцев-строителей, перевез их с озера Титикака в Марокко, – но об этом позже.

Всю зиму мы готовились к плаванию, утрясали служебные и личные дела, уговаривали близких и начальство – и стремились сохранить тайну, об этом просил Тур. Он хотел обойтись без рекламы и преждевременных сенсаций.

В январе я выступал в Московском телевизионном театре, и неожиданно ведущий на весь зал объявил:

– Друзья, это путешествие для Юрия Сенкевича не последнее, уже строится другой «Ра»!

Я оторопел, едва дождался, пока окажемся за кулисами, бросился к нему: «Что ж ты делаешь?!» А он говорит: «Это напечатано в сегодняшнем номере “Московского ком-

сомольца”».

Да, шила в мешке не утаишь. И все-таки мы таили его, как могли, пока не наступила весна. Секреты кончились в мае. Опять Сафи, марокканский порт, и опять кипит работа. Корабль почти готов – что значит «почти», лучше не объяснять, это значит разрывайся пополам, затыкай двадцать дыр и беги за сотней зайцев, а ведь кроме корабля есть и багаж, вода, продовольствие, которое надо собрать, упаковать, погрузить.

У нас был сарайчик на берегу, он по площади примерно соответствовал «Ра-2», и вот в нем мы трудились в поте лица, раскладывали груз в пакеты, пересыпали рисом, чтобы адсорбировалась влага, прикидывали, где и что разместится.

Провианта набиралось несусветное количество, и способствовала этому главным образом жена Тура, Ивон.

Она приносила в сарай самые невероятные морсы, сиропы, соки. Мы ужасались: «Зачем это?» – «Ничего, мальчишки, берите! Вы же будете совсем одни, удовольствий, радостей никаких, а как приятно посидеть в холодке и пососать лимонную конфетку!»

Здесь настает пора сказать хотя бы несколько слов об Ивон, и я это делаю с радостью и глубокой признательностью.

Первым тостом, который мы провозгласили на Барбадосе после прошлогоднего плавания, был тост за Леди «Ра». И это вовсе не было формальным актом вежливости: пусть

простит меня Тур, я очень его люблю, но временами мне – и не только мне – казалось, что жену его мы любим больше.

Она сама обшивала матрацы, на которых мы спали. Помнила, что Сантьяго предпочитает жесткие зубные щетки, а я – мягкие, что Жорж обожает спать на высокой подушке, а Карло – вообще без подушки. Учитывала наши пристрастия и уважала слабости. Съестное, снаряжение, бухгалтерия – все это лежало на ней, она за всем следила и все успевала.

Наряду с прочим, она еще перестукивала на машинке книгу, которую Тур за зиму не успел закончить и сейчас срочно дописывал, прячась в развалюшке рядом со стапелем.

В день, когда «Ра-2» предстояло крестить и спускать на воду, – опять цитирую записи Андре – женщина женщину застала врасплох:

– Ивон, вы ли это? Вы плакали?

– Да.

– Почему?!

Выяснилось, что Ивон только что перепечатала главу, где говорилось о затопленной корме, о сломанных веслах, о ветре и волнах, против которых мы были беззащитны.

Нам было легче, мы только плыли, а волновалась за нас она. И вновь ей выпадал черед волноваться.

Радио сообщило, что церемония спуска – ровно в одиннадцать. Официальные лица прибывали в черных автомоби-

лях, с шоферами в ливреях. Ритуальные брызги козьего молока, шорох и хруст соломы – и судно в голубом море.

Лодка, спроектированная по рисункам и макетам лодок Древнего Египта и названная «Ра», была построена специалистами с озера Чад (Республика Чад) из камыша, добытого на озере Тана в Эфиопии.

«Двадцать пятого мая 1969 года семь человек из семи стран ступили на борт папирусной лодки в порту Сафи, в Марокко. Русский врач, американский штурман, египетский аквалангист, мексиканский антрополог, плотник из Республики Чад в Центральной Африке, итальянский альпинист и

я сам, норвежец, руководитель эксперимента»
(Тур Хейердал)

Тут же мы его чуть не лишились.

Ветер был свежий, кораблик легкий, с буксирного катера вовремя не кинули конец – и нашу новенькую ладью потащило, как осенний листок, потащило и бросило – прямо на бетонный пирс.

Тур схватился за голову.

«Ра-2» ударило о стенку со страшной силой, благо что носом, загнутый нос спружинил, и судно отскочило от пирса, как мячик. Его подхватили, зацепили и оттащили туда, где ему полагалось намокать.

Это было десятого мая, мы тогда еще не знали, что отплывем только через полторы недели, надеялись, что управимся раньше, – лихорадочно грузились, ставили мачту и мостик. Здесь была допущена ошибка, оснастку лучше не монтировать на плаву: во-первых, как ни осторожничай, все равно рвешь папирус, треплешь его, топчешь, а поправить уже невозможно; во-вторых, корабль впитывает воду сверх нормы, ресурс непотопляемости расходуется ни на что – следовательно, только поспевай, пошевеливайся, набирай темпы.

Последнее утро вижу как сквозь сон: шесть часов, холодно, круглый гостиничный стол. Подробности стерлись из памяти, мне потом их пересказывали, будто постороннему. Оказывается, я был страшно весел и разговорчив, приставал

к новичку Мадани, чтобы тот быстрее расправлялся с яичницей: «Ешь, еще неизвестно, когда мы снова будем есть». Мадани ответил: «Я боюсь, у меня случалась морская болезнь». Я расхохотался и не мог остановиться, крикнул второму нашему новичку, Кею: «А ты? У тебя нет морской болезни? А плавать ты умеешь?» – «Извини, не умею». – «Тур, Тур, ты слышишь?!» Тур отозвался спокойно:

– Будем следить, чтоб не свалился за борт. А что касается Мадани – пусть и у врача на «Ра» окажется занятие.

Холл отеля наполнился людьми, были друзья, журналисты, фотографы, любопытные. На пирс вышел паша Сафи, Тайеб Амара, и сказал прощальную речь. Тур тоже произнес речь. Прибыли послы, наш, американский, норвежский, множество дипломатов, народу собрались толпы, пароходы в порту гудели, Ивон («Уж возьмите, мальчишки!») подвесила к потолку хижину ветчину и колбасу, – а мы все что-то доделывали, догружали, распикивали и в суматохе даже не прочувствовали торжественного мига, не заметили, как буксирчик потащил нас к выходу из гавани, – и вдруг, осознав, расслабились, вздохнули облегченно: слава богу, кончилось! Именно не началось, а кончилось, теперь держи курс, считай мили – нормальная мужская работа.

Погода была великолепная, ветер северо-восточный, то, что нам надо. Сафи едва виднелся в дымке. Пора было поднимать парус. Уточнили, как будем это делать, и стали по местам.

Мы с Сантьяго стояли на шкотах, он — справа, я — слева. Я помнил, что это не такое уж сложное дело, и не слишком напрягался, обмотал шкот вокруг бруса и глазел по сторонам. Но я упустил из виду, что веревка свежая, сухая и скользит, и, когда парус пошел вверх, внезапно хлопнуло, рвануло, обожгло ладони, и шкот змеей взлетел в воздух, а левый нижний угол паруса завернулся и бешено заполоскал. Сантьяго растерялся и выпустил свою сторону тоже.

Надо сразу сказать о парусе.

В прошлом году нам с ним сразу крепко не повезло. В первый же день сломался рей, и это повергло нас, неопытных, в ужас, — казалось, нет никакой возможности что-либо исправить. Но и отдаться полностью на волю течения тоже было нельзя, прежде всего потому, что тогда путешествие растянулось бы минимум на все лето. И мы решили попробовать соорудить хотя бы маленький парус, чтобы хоть немножко тянул.

Это был небольшой треугольничек, нижними углами его предстояло крепить к палубе, верхним — к топу мачты. Разумеется, для этого нужно было на нее лезть, я просился, но Норман запретил, сказав, что мачта качается, удержаться на ней трудно, а я недостаточно еще тренирован, и на мачту вскарабкался Жорж, я же в порядке тренировки добрался до середины и подавал Жоржу парусину.

Скорость сразу увеличилась, курс стал постабильней,

особенно после того как с четвертой попытки, под руководством того же Нормана, мы привели корабль к ветру.

Однако вскоре Тур заметил вдалеке слева горы, очень большие и едва различимые, это был берег Африки, нам совсем не хотелось с ним встречаться, и, расхрабрившись, мы поставили второй треугольный парус, уже не спереди мачты, а сзади нее.

Тут дело пошло гораздо быстрее, мы понемногу становились записными матросами.

С двумя парусами «Ра» имел вовсе неплохой ход, но штурмана и эта скорость не устраивала, аппетит приходит во время еды.

– Сто миль за два с половиной дня! – ворчал Норман. – Разве это паруса? Парусята!

И вот, обмирая от собственного нахальства, экипаж «Ра» приступил к операции «Грот».

Тур долго совещался с Абдуллой, чем заменить сломанный рей. Разворошили весь запас дерева, нашли подходящую палку, привязали к ней дополнительный усиливающий брус.

На следующий день укрепили шпор мачты слева, еще через день – справа.

Никто не хотел торопиться, все понимали, что любую случайность следует исключить заранее.

С рассвета до темноты возились, прикрепляя парус к рею, и оснащали рей.

Еще раз проверили узлы и крепления брасов – канатов,

идущих от ноков рея к обоим бортам.

Начали подъем. Мы с Норманом тянули с бортов, Карло и Жорж – посередине, Тур наблюдал за компасом и удерживал «Ра» на курсе, Абдулла и Сантьяго следили за брасами.

Не боги горшки обжигают – наш большой парус наполнился ветром, крен резко уменьшился, корабль побежал весело и Норман заулыбался:

– Для моряка самое неприятное – штиль и дрейф.

После плавания «Ра-1», слушая мои рассказы, дотошные собеседники иногда спрашивали, почему мы редко работали с парусом, почему на ходу не брали рифы.

Дело в том, что его просто очень трудно, физически тяжело ворочать, поднимать и опускать.

Он огромный, восемь метров в высоту и около того в поперечнике, из натурального хлопка, причем прочности необычайной, в прошлом году за два месяца – ни одного разрыва, и это при колоссальной нагрузке, особенно когда нас разворачивало, – он метался так, что казалось – разлетится в клочья!

А весил он верных полсотни килограммов, сухой, а мокрый – воображаете, сколько? Ставили мы его не меньше сорока минут, а, убирали иногда и полтора часа – смотря какая погода и какое время суток. Ночью, да еще в бурю, парус кружил над нами, как чудовище, мы боролись с ним отчаянно, по трое и четверо повисая на канатах. Однажды Сантьяго, пытаясь взять парус не мытьем, так катаньем, уцепился

за нижнюю шкаторину, она предательски провисла, но ударил порыв ветра и Сантьяго взмыл, как Икар. К счастью, его опустило туда же, откуда подняло. А если бы за борт?!

У Сантьяго с парусом вообще были натянутые отношения. Как-то грот заполоскал, а Сантьяго в это время шел на нос. Парус сбил его с ног, Сантьяго вскочил и вновь был сбит, и тут он принял стойку и начал боксировать с парусом. И вышел победителем, поскольку «Ра-1» в ту же минуту лег на курс.

Итак, первый подъем паруса на «Ра-2» был неудачен, но бодрого настроения мы не теряли, убрали парус, закрепили шкоты намертво и снова подняли, он надулся и расцвел над нами, гигантский, с оранжевым диском в центре, похожий на диковинный праздничный флаг.

Как это всегда бывает, праздник длился недолго.

Сразу по выходе из бухты нас качнуло, для пробы, баллов под пять, это было как бы дружеское приветствие нашим новичкам, и они отреагировали моментально: Кей укрылся в хижине, а Мадани прилег на корме с полиэтиленовым мешочком. А затем уже океан принялся и за ветеранов, всерьез, явно желая побыстрее вернуть им форму.

Мы попали в штормовую зону. Нас бешено несло и бешено швыряло. Вновь навалилась усталость, не та, бестолковая, сухопутная, – о ней впору было вспомнить со смехом, – там по крайней мере руки слушались, а здесь давишь на рукоять

рулевого весла и не чуешь собственных пальцев, ни согнуть их, ни разогнуть.

Сантьяго попробовал сменить меня у кормила, постоял чуть-чуть, я сказал: «Брось, ладно», – он и без того валился с ног. Минул еще час вахты, четвертый, и мое место занял Жорж, а я спустился с мостика. Тур сидел у входа в хижину, усталый и осунувшийся.

– Спасибо, Юрий.

– Не за что.

– Я доволен, что ты вновь со мной. Сегодня я лишь наполовину человек, думать могу, а работать не получается.

– Ты бы поспал.

– Сейчас никак, сам понимаешь – первый день.

– Ладно, тогда распределим ночную вахту на четверых.

Карло, Норман, Жорж и я, а остальные пусть отдыхают.

– О'кей, потом отдохнете вы.

Я вздремнул и был разбужен Карло в два ночи. Яркое светила луна, океан бурлил и пенился, ветер срывал гребешки волн и плескал ими в лицо.

Мы шли неподалеку от берега, временами виднелись огни маяков, держать следовало примерно 225–230°, между западом и юго-западом, как раз на луну – огромная, рыжая, она горела точно по курсу, и я старался подпереть ее носом лодки, однако скоро тучи сомкнулись, и нас окутал полнейший мрак.

Когда не видишь волн, вначале встречать их боязно, но

быстро привыкаешь, чувствуешь их приближение всем телом, и ноги сами начинают подгибаться и выпрямляться, следуя движениям палубы.

Я совершенно замерз, еле-еле отстоял свое, разбудил Нормана и завалился спать, даже не потрудившись раздеться и снять тапочки.

Зачем, зачем мы опять ввязались в это дело? Ну, Тур – понятно, у него гипотеза, а мы-то, остальные, зачем?..

Написал это и подумал: нет, не так. На борту «Ра» нет деления на вдохновителей и исполнителей. Взять хоть меня самого: что мне, казалось бы, до древних мореходов? А вот вспомню о них – и радуюсь, и горжусь, что повторяю их маршрут...

***Рассуждение первое, о диффузионизме
и изоляционизме и проблемах
древних трансокеанских связей***

Плывем из Северной Африки в Южную Америку, без мотора, без гирокомпаса, без локатора, на небольшом судне, сделанном из эфиопского папируса. Плавание не совсем обычное и, естественно, вызывает к себе интерес.

Вопросы, вопросы... Вероятно, из одного их перечня можно было бы составить отдельную книгу: умные, коварные, заботливые, снисходительные, жалостливые, высокомерные, восторженные, – их задавали корреспонденты, род-

ственники, знакомые, друзья, – в первые дни путешествия мы забавлялись тем, что вспоминали свои интервью перед стартом, и хохотали, выяснив, что каждого из нас хоть по разу да спросили:

– А вы когда-нибудь участвовали в подобной экспедиции?

Жорж так отвечал на это:

– Да, конечно, – примерно пять тысяч лет назад.

В этом шутливом ответе гораздо больше смысла, чем кажется.

«...перед моими глазами стояла сверкающая золотом ладья, ладья Аладдина и Синдбадаморехода, ладья из волшеб-

*ной сказки о море и солнце – наш чудесный корабль, наш “Ра”,
на котором предстояло нам плыть»*

(Юрий Сенкевич)

Я не антрополог, не археолог, не этнограф, и проблемы, которых собираюсь касаться, лежат вне области моих профессиональных знаний. Поэтому пусть всюду, где только можно, мне приходит на помощь Тур Хейердал.

Вот что он пишет в одной из своих последних статей:

«Споры, касающиеся контактов между Старым Светом и Новым, имевших место до походов Колумба, не прекращаются до сих пор. Со временем в науке сложились два противоположных направления: изоляционизм и диффузионизм.

Изоляционисты считают, что два основных океана, омывающие Северную и Южную Америку, абсолютно изолировали Новый Свет от контактов со Старым до 1492 года. Эта школа допускает, что первобытные охотники проникали из азиатской тундры на Аляску в зоне арктического севера – и только.

Диффузионисты, напротив, считают, что существовала единая общая колыбель всех цивилизаций. Они допускают различные варианты плаваний в древнюю Америку из Азии, Европы или Африки в доколумбову эпоху».

Такова суть полемики, возникшей еще в прошлом веке и разгоравшейся все жарче по мере того, как между древними культурами по ту и эту сторону океанов обнаруживались но-

вые и новые черты сходства.

Сходство оказывалось несомненным и необычайным.

«...Пирамидальные постройки, поклонение Солнцу, браки между братьями и сестрами в царских семьях, накладные бороды у первосвященников, трепанация черепа, письменность, система календаря, употребление нуля, ирригация и террасное земледелие, возделывание хлопчатника, прядение и ткачество, гончарное дело, кладка из подгоняемых друг к другу огромных блоков, праща, птицеголовые божества, музыкальные духовые инструменты, камышовые лодки, рыболовные крючки, гробницы, настенная роспись и барельефы»...

Прерываю перечисление, чтобы не утомить вас. В статье Хейердала оно занимает еще чуть не десяток строк. Здесь мумии и там мумии, здесь бумага и там бумага, здесь игрушки на колесах и там игрушки на колесах, – а посередине пучина. Пучина, которую в этих широтах никто не пересекал до Колумба.

Или, может, пересекал?

Изоляционисты – устами самых ярких своих представителей – отвечают безапелляционно и однозначно: «Нет, нет, никогда. Параллели и совпадения случайны. Цивилизации развивались независимо».

Столь же безапелляционны яркие диффузионисты: «Да, да, сколько угодно и кто угодно! Океаны – не помеха! У всех цивилизаций – общая колыбель!»

Стороны неистовствуют, упрекают друг друга в беспочвенности позиций, в отсутствии прямых доказательств, – однако полярность их взглядов лишь кажущаяся. Отправная точка у спорщиков едина, и это подмечено Туром Хейердалом весьма точно:

«И те, и другие рассматривают океаны как мертвые, неподвижные бассейны. Только экстремисты-изоляционисты считают, что эти мертвые водные пространства являются барьерами для перемещения людей в любом направлении, а экстремисты-диффузионисты рассматривают океаны как открытые глади, по которым мореходы-aborигены могли путешествовать в любом удобном им направлении».

Сам Хейердал относится к океанам иначе. Всей своей творческой жизнью, всеми гипотезами и теориями своими он, возможно, обязан тому, что однажды, в молодости, взглянул на Океан иными глазами, чем остальные:

«В тот памятный вечер мы, как обычно, сидели в лунном свете на берегу... Завороженные сказочным зрелищем, мы чутко воспринимали все, что происходило вокруг. Наши ноздри вдыхали аромат тропических цветов и соленого моря, слух улавливал шорох ветра, перебиравшего листья деревьев и пальмовые кроны. Через правильные промежутки времени все звуки тонули в гуле прибоя, – мощные океанские валы несли свои пенящиеся гребни вверх по отмели, чтобы разбить их вдребезги о прибрежную гальку. Воздух наполнялся стуком, звоном и шуршанием миллионов бле-

стоящих камешков, затем волна отступала, и все стихало, пока океан набирал силы для нового натиска на упорный берег.

– Странно, – заметила Лив, – на той стороне острова никогда не бывает такого прибоя.

– Верно, – ответил я. – Здесь – наветренная сторона, поэтому волнение никогда не прекращается».

Дело происходило в 1938 году, в Полинезии.

В том давнем январе к берегам острова Таити причалил корабль. На его борту среди других пассажиров был двадцатичетырехлетний студент-зоолог Тур Хейердал с женой. Пассажиры громко пели старинный таитянский гимн: «Э мауруу а вау!» – «Я счастлив».

На Таити Хейердалы сделали пересадку, и парусная шхуна «Тереора» перевезла их на Фату-Хиву, уединенный скалистый островок Маркизского архипелага. Здесь им предстояло испытать счастье во всей его полноте.

Тур хотел сделать прыжок на тысячи лет назад. Последовать на практике призыву «Вернись в дебри», довольно модному в те годы у какой-то части европейской интеллигенции, и посмотреть, что из этого получится. Редко посещаемый, начисто лишенный цивилизации, остров Фату-Хива весьма подходил для такого эксперимента.

Обратим внимание: Хейердал уже тогда был верен себе – отвлеченные рассуждения «на тему о...» его не устраивали. Облюбовав тезис, он тут же стремился взвесить его на руке, опробовать на вкус, запах и цвет.

Хейердалы прожили на острове год. Тех, кто хочет знать подробности, отсылаю к книге «В поисках рая», увлекательной, пронизанной юмором и чуть-чуть печальной. Рай не был найден, и полного счастья не вышло. Бананы не заменили бифштексов, а экзотические «младшие братья» оказались полунищими и полуголодными людьми, которым, увы, не в новинку и религиозные распри, и ложь, и воровство.

И все же Тур нашел на Фату-Хиве гораздо большее, чем то, что искал:

«...Мы продолжали любоваться валами, которые, казалось, упорно твердили, что идут с самого востока, все время с востока. Извечный восточный ветер, пассат, – вот кто теребил поверхность воды, вспахивал ее и гнал борозды впереди себя, через линию горизонта вон там на востоке и прямо на эти острова, где неугомонный бег волны, наконец, разбивался о рифы и скалы. А ветер легко взмывал ввысь через лес и горы и продолжал беспрепятственно свой полет от острова к острову, вдогонку заходящему солнцу. И так с незапамятных времен... Волны и легкие тучки с неуклонным постоянством переваливали через далекую линию горизонта на востоке. Это было отлично известно первым людям, достигшим этих островов. Об этом знали здешние птицы и насекомые; наконец, этот факт определял здесь все развитие растительного мира. А там, далеко-далеко за горизонтом, к востоку, лежал берег Южной Америки. Восемь тысяч километров отсюда, и все время вода, вода...

Мы смотрели на летящие облака и волнующийся в лунном свете океан и прислушивались к рассказу старого полуголого человека, который присел на корточки перед затухающим костром, глядя на тлеющие угольки.

– Тики, – произнес старик задумчиво. – Он был и бог, и вождь. Это он привел моих предков на острова, где мы живем теперь. Раньше мы жили в большой стране далеко за морем.

Он сгреб угли прутиком, чтобы не дать им окончательно погаснуть. Старый человек, весь погруженный в свои мысли, он жил теперь в прошлом, только в прошлом. Его предки и их подвиги с самых древних времен, когда на земле жили боги, были озарены в его глазах божественным ореолом. Теперь он готовился к встрече с ними. Старый Теи Тетуа был последним оставшимся в живых представителем вымерших племен, которые когда-то населяли восточное побережье Фату-Хивы. Он и сам не знал, сколько ему лет, но его морщинистая коричневая кожа выглядела так, словно ветер и солнце сушили ее вот уже сто лет. Он был одним из тех немногих среди жителей архипелага, кто еще помнил предания отцов и дедов о великом полинезийском вожде и боге Тики, сыне солнца, – помнил и верил им.

Когда мы в ту ночь легли спать в нашей маленькой клетушке, мои мысли все еще были заняты рассказом старого Теи Тетуа о Тики и о далекой заморской родине островитян. Приглушенный гул прибоя аккомпанировал моим размыш-

лениям, как будто голос самой седой старины хотел поведать что-то ночному мраку. Я не мог уснуть. Казалось, время перестало существовать и Тики во главе своей морской дружины именно в эту минуту впервые высаживается на сотрясаемый прибоем берег. И вдруг меня словно осенило:

– Лив, тебе не кажется, что огромные каменные изваяния Тики, стоящие здесь в джунглях, очень напоминают таких же гигантов, которые остались стоять до наших дней в местах распространения древних культур Южной Америки?

Мне отчетливо слышались одобрителные нотки в гуле прибоя. Затем он постепенно затих, – я уснул».

Вернувшись в Норвегию, Тур Хейердал сдал в университетский зоологический музей коллекцию жуков и рыб с Фату-Хивы и заявил, что зоология его больше не привлекает и что отныне он решил посвятить себя исследованию жизни древних народов.

Пройдет два с половиной десятка лет, и на заседании Королевского географического общества он поднимет бокал за «сочетание одобрения и противодействия» и назовет это сочетание «главным двигателем научного прогресса»:

«Противодействие, возражения, а иногда и поражение необходимы, чтобы идти к научной истине, расширять пределы человеческого познания. Конечно, не так-то легко воздать должное этому, особенно когда в лицо дует свирепый штормовой ветер. Но когда ветер попутный, как сегодня, мы вполне можем это признать...»

Таким образом, он великодушно позволит недоброжелателям быть причастными к его славе. Но сперва не будет ни славы, ни почестей, ни побед, — одни шквалы, безжалостные, многолетние шквалы в лицо.

Догодка Хейердала о том, что Полинезия заселялась, возможно, не только с запада, со стороны Азии, но и с востока, с американских берегов, вызвала у специалистов сильнейшее неодобрение. Ученые мужи смеялись и издевались над недоучившимся студентом, над мальчишкой без степеней и званий, пожелавшим критически оценить общепринятые взгляды.

Его обзывали авантюристом, выскочкой, фальсификатором. Что он там болтает о легендарном вожде Кон-Тики, о бальсовых плотях, о маршруте Перу — Таити? Еще со времен капитана Кука признано, что предки полинезийцев явились из Малайской области, это не подлежит сомнению, об этом говорят многочисленные факты: в языке островитян-полинезийцев и малайских племен есть общие слова и корни, там и здесь разводят кур, свиней, выращивают хлебное дерево, сахарный тростник, — все это бесспорные элементы азиатской культуры, неизвестные в древней Америке. А если полинезийцы резко отличаются от малайцев ростом, телосложением, формой черепа и т. д., так это особый вопрос, им надо заниматься отдельно, во всяком случае, не призывая на выручку мифические флотилии Кон-Тики.

Почти никто из оппонентов не замечал, что Тур Хейердал

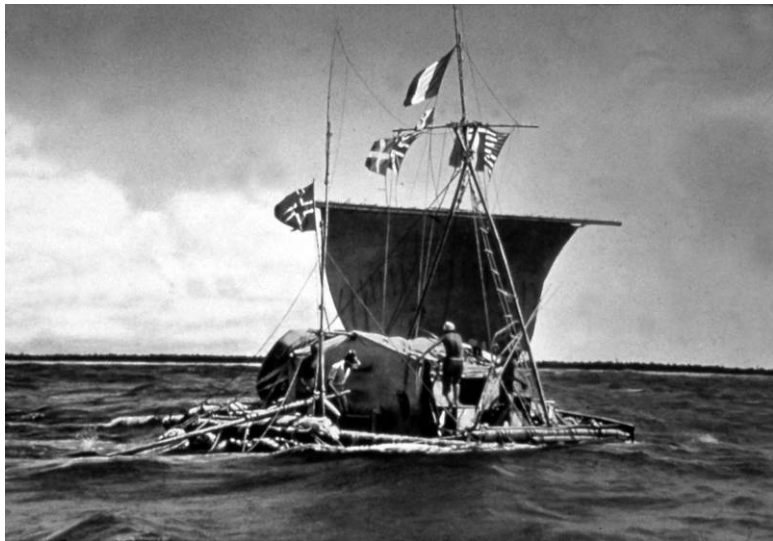
ведь и не оспаривает вероятности миграции из Азии. Напротив, он даже определил возможный путь этой миграции – через северную часть Тихого океана; он лишь предположил, что заселение Полинезии проходило в два этапа, что раньше малайцев на острова явились перуанцы, а потом те и другие смешались, – и исходил при этом именно из Океана, реального, конкретного, живого Океана с ветрами и течениями, словно нарочно созданными для того, чтобы любую щепку, брошенную в воду у подножия Анд, донесло через сотню дней прямехонько до архипелага Туамоту.

Ему снисходительно объясняли: южноамериканские суда непригодны для мореходства. Его рукопись «Полинезия и Америка; проблема взаимосвязи» никто не соглашался даже перелистать.

Обескураженный и удрученный, но не разуверившийся, он отправился к основному своему оппоненту и спросил:

– Что бы вы сделали на моем месте?

– Сам бы сплавал на плоту, – ответил маститый профессор, видимо, радуясь про себя столь удачной шутке. Но Хейердалу в тот момент было не до шуток, он тут же ухватился за эту безумную, казалось, идею, собрал друзей, построил плот и пошел.

Кон-Тики. 1947 г.

«Никакой шторм, никакой циклон не опасен так, как личные недоразумения, когда шесть человек на несколько месяцев заточены вместе на тесном пространстве плота»

(Тур Хейердал)

Американское военно-морское ведомство снабдило его запасом армейских рационов, калорийность которых требовалось экспериментально уточнить, и снаряжением, которое требовалось экспериментально же проверить. Среди подлежащих испытанию изделий имелся порошок, якобы отпугивающий акул. Тур поинтересовался, эффективен порошок

или нет. Ему объяснили, что как раз это тоже предстоит ему
выяснить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.